

Содержание

ПРОЛОГ

Дженна

Элис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дженна

Элис

Серенити

Элис

Дженна

Элис

Верджил

Элис

Дженна

Элис

Серенити

Элис

Дженна

Элис

Серенити

Элис

Дженна

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Элис

Верджил

Элис

[Дженна](#)
[Элис](#)
[Серенити](#)
[Элис](#)
[Верджил](#)
[Элис](#)
[Дженна](#)
[Элис](#)
[Серенити](#)
[Элис](#)
[Дженна](#)
[Элис](#)
[Верджил](#)
[Элис](#)
[Серенити](#)
[Элис](#)
[Дженна](#)
[Элис](#)
[Верджил](#)
[Элис](#)
[Серенити](#)
[Элис](#)
[Дженна](#)
[От автора](#)
[Благодарности](#)

JODI PICOULT

JODI PICOULT

ДЖОДИ ПИКОЛТ

ВРЕМЯ УХОДИТЬ

РОМАН

Санкт-Петербург

Jodi Picoult
LEAVING TIME
Copyright © 2014 by Jodi Picoult

This translation published by arrangement with
Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC

All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

Серийное оформление и оформление обложки
Ильи Кучмы

16+

Пиколт Дж.

Время уходить : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.

ISBN 978-5-389-18629-3

Больше десяти лет Дженна Меткалф не перестает думать о своей матери Элис, которая загадочным образом исчезла после трагического происшествия, когда девочке было всего три года. Дженна отказывается верить, что мать могла бросить ее, и внимательно перечитывает старые дневники Элис в надежде разгадать ее тайну. Отчаянно стремясь узнать правду, она подключает к поискам матери двух незнакомцев: Серенити Джонс, экстрасенса, и Верджила Стэнхоупа, потрепанного жизнью частного детектива, который когда-то служил в полиции и расследовал дело Элис. По мере того как незадачливая тройца начинает собирать по кусочкам историю жизни пропавшей женщины, воспоминания Дженны увязываются с описанными в дневниках матери событиями, и в результате вскрываются гораздо более шокирующие подробности, чем можно было предположить.

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2020

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Джоан Коллисон.
Верный друг пройдет с тобой сотни миль
под дождем и снегом,
в град и гололед.*

ПРОЛОГ

Дженна

Некоторые верят в существование слоновьего кладбища — места, куда приходят умирать больные и старые слоны. Они покидают стадо и бредут по пыльным дорогам, как титаны, о которых нам рассказывали на уроках истории в седьмом классе, когда мы изучали мифы Древней Греции. Легенда гласит, что это место, расположенное где-то в Саудовской Аравии, является источником сверхъестественной силы. А еще говорят, что якобы там хранится книга заклинаний, которые могут принести людям покой и благоденствие.

Исследователи, отправлявшиеся на поиски кладбища, неделями следовали за слонами, но потом обнаруживали, что их водят кругами. Некоторые бедролаги вообще пропадали в пути. Другие не могли потом толком вспомнить увиденное, и ни одному из тех, кто заявлял, что обнаружил слоновий погост, впоследствии не удавалось найти его вновь.

И знаете почему? Да потому что слоновье кладбище — это миф.

Действительно, ученым встречались места со следами гибели множества слонов, умерших неподалеку друг от друга в течение короткого промежутка времени. Элис, моя мама, сказала бы, что такому массовому падежу животных есть вполне логичное объяснение: слоны могли погибнуть одновременно от недостатка пищи или воды; их могли убить охотники за слоновой костью. Или же, допустим, мощный африканский ветер согнал разбросанные по саванне кости в одно место и разбросал их концентрическими кругами. «Дженна, —

заявила бы она мне, — все на свете можно объяснить рационально».

Многое из того, что людям известно о жизни и смерти слонов, — это не домыслы, а вполне научные факты. Все это мама тоже могла бы мне рассказать. Мы бы сидели с ней рядышком под большим дубом, где любила отдыхать в холодке Маура, и наблюдали бы, как слониха хоботом срывает желуди и швыряет их, словно мячики. Мама оценивала бы каждый бросок, как судья на Олимпийских играх: «Восемь и пять... Семь и девять. Ого! А это прямо в десятку».

Может, я слушала бы ее. Или просто закрыла бы глаза и попыталась запомнить исходивший от маминой кожи запах спрея против комаров или то, как она рассеянно заплетала мои волосы, завязывая кончик косы травинкой.

Может быть, все это время я хотела, чтобы слоновье кладбище существовало на самом деле, только пусть бы оно предназначалось не для одних лишь слонов. Потому что тогда я могла бы отыскать там маму.

Элис

Когда мне было всего девять — задолго до того, как я выросла и стала ученым-биологом, — я думала, что знаю все или, по крайней мере, хотела все знать, а в моем понимании это было почти одно и то же. Тогда я обожала животных. Я знала, что группа львов называется «прайд» и что дельфины относятся к млекопитающим. Что у жирафов целых четыре желудка, а ножные мускулы саранчи в тысячу раз сильнее человеческих. Мне было известно, что у белых медведей кожа под мехом черная, а у медуз нет мозга. Все эти сведения я почерпнула из приложения к детскому журналу, подписку на который подарил мне мой неудавшийся отчим, бросивший нас год назад. Теперь он жил в Сан-Франциско вместе со своим лучшим другом, которого мама, когда думала, что я не слышу, называла другой женщиной.

Так или иначе, каждый месяц по почте приходили новые карточки с любопытными фактами из жизни животных, и однажды, в октябре 1977-го, была доставлена самая лучшая — посвященная слонам. Затрудняюсь объяснить вам, почему именно слоны стали моими любимцами. Может быть, виной всему дизайн моей спальни: на полу в детской лежал мохнатый ковер с изображением джунглей, а на обоях, вдоль бордюра, плясали маленькие симпатичные слонята. Или все дело в том, что первым мультфильмом, который я посмотрела, когда еще только училась ходить, стал «Дамбо». Или же так повлияла на меня шуба с подкладкой из индийского сари со слониками, которую мама унаследовала от своей матери, моей

бабушки.

Из той октябрьской карточки я узнала основные сведения о слонах. Это самые крупные наземные животные на планете, их вес может превышать шесть тонн. Каждый день они съедают триста-четыреста фунтов пищи. У них самая продолжительная беременность среди всех сухопутных млекопитающих — двадцать два месяца. Слоны живут племенными сообществами, которые возглавляют самки, обычно старейшие в группе, их называют матриархами. Именно главная самка каждый день решает, в какую сторону направится стадо, когда все будут отдыхать, где станут кормиться и куда пойдут на водопой. Слоны растят и защищают все родственницы женского пола, и детеныши путешествуют вместе с взрослыми слонихами, но, достигнув возраста тринадцати лет, подросшие слонята-самцы покидают стадо. И с тех пор, как правило, живут поодиночке, хотя иногда образуют «мужские союзы».

Все это общеизвестные факты. Я же увлеклась предметом и стала копать глубже — перечитала все книги из школьной библиотеки, постоянно расспрашивала учителей. А потому могу добавить еще немало интересного: например, что кожа у слонов обгорает на солнце, именно по этой причине они посыпают себе спины пылью и катаются в грязи. Их ближайший родственник из ныне обитающих на земле животных — это горный даман, маленький пушистый зверек, похожий на морскую свинку. Я узнала также, что слонята, чтобы успокоиться, могут сосать свой хобот, ну совсем как дети — большой палец. И что в 1916 году в Эрвине, штат Теннесси, слониха по кличке Мэри была привлечена к суду за убийство и повешена.

Оглядываясь назад, я думаю, что маме надоело слушать мою вечную болтовню о слонах. Вероятно, поэтому однажды утром в субботу она подняла меня

еще до рассвета и сказала, что мы отправляемся в путешествие. Жили мы тогда в Коннектикуте, и зверинцев поблизости не было, но в зоопарке «Форест-Парк» в Спрингфилде, штат Массачусетс, держали настоящую живую слониху, и мы собирались на нее посмотреть.

Сказать, что я пришла в восторг, — значит ничего не сказать. Всю дорогу я забрасывала маму шутками о слонах.

*Кто красивый, серый и ходит в стеклянных туфельках?
Слон-Золушка.*

Почему слоны все в морщинах? Они не помещаются на гладильную доску.

Как слезть со слона? Никак. А зачем вы вообще на него забрались?

Зачем слону хобот? Чтобы тушить пожары.

Когда мы приехали в зоопарк, я мигом обежала его весь и довольно быстро отыскала слониху Морганетту.

Но она оказалась совершенно не такой, какой я ее себе представляла.

Ничего общего с величественным животным, изображенным в книгах, которые я прочитала от корки до корки. К тому же слониха была прикована цепью к огромному цементному блоку в центре загона и не могла далеко от него отойти. На задних ногах у нее виднелись потертости от «браслетов». Одного глаза у Морганетты не было, а другим она на меня не смотрела. Да и зачем? Я ведь всего лишь очередная двуногая посетительница, пришедшая поглазеть на нее, посаженную в тюрьму.

Мама тоже была потрясена плачевным состоянием слонихи. Она подозвала смотрителя, который рассказал, что раньше Морганетта участвовала в городских парадах и выполняла разные трюки, например состязалась в перетягивании каната с местными школьниками, но с возрастом стала непредсказуемой и

жестокой. Она била посетителей зоопарка хоботом, если те слишком близко подходили к ее клетке, и сломала запястье одному зрителю.

Я расплакалась.

Мама потащила меня обратно к машине, и мы отправились в четырехчасовой путь домой, пробыв в зоопарке не больше десяти минут.

Бедная слониха никак не шла у меня из головы. «Неужели ей ничем нельзя помочь?» — задалась я вопросом.

И таким образом в девятилетнем возрасте превратилась в защитницу животных. Совершив поход в библиотеку, я села за кухонный стол и написала мэру Спрингфилда письмо с просьбой не держать Морганетту в такой тесной клетке и вообще предоставить ей больше свободы.

Он не просто ответил на мое обращение, но переслал письмо в газету «Бостон глоуб», где его и опубликовали. А потом мне позвонил корреспондент: он хотел сделать репортаж о девятилетней девочке, убедившей мэра перевести слониху Морганетту в более просторный вольер, предназначенный для буйволов. На школьном собрании мне вручили специальную награду «Неравнодушный гражданин». А потом пригласили в зоопарк для участия в церемонии открытия нового слоновника, и я вместе с мэром перерезала красную ленточку. Меня ослепляли вспышки фотокамер, а позади нас расхаживала по вольеру Морганетта. На этот раз она взглянула на меня своим единственным глазом, и я поняла, просто поняла и всё, что слониха по-прежнему несчастна. Пережитые ею страдания — цепи и раны от ножных «браслетов», побои, может быть, даже воспоминания о том, как ее насильно забирали из Африки, — никуда не исчезли, но остались с ней в загоне для буйволов и заняли все свободное пространство.

Хочу заметить, что мэр — его фамилия была Димауро — и дальше продолжал заботиться о слонихе. В 1979 году, после того как в «Форест-Парке» умер белый медведь, зоопарк закрылся, и Морганетту перевезли в Лос-Анджелес. Вольер у нее там был еще больше, с прудом, игрушками, а компанию ей составляли две старые местные слонихи.

Знай я тогда то, что знаю сейчас, могла бы сказать мэру: если вы поместите слона рядом с ему подобными, это еще не значит, что животные подружатся. Слоны такие же уникальные личности, как и люди. Вы же не станете утверждать, что двое случайно оказавшихся рядом незнакомцев обязательно станут приятелями. То же самое касается и слонов: между двумя особями не возникнет близких отношений просто потому, что они принадлежат к одному биологическому виду. Морганетта продолжала погружаться в глубины депрессии, худела и чахла. Примерно через год после переезда в Лос-Анджелес слониху нашли мертвой на дне устроенного в вольере пруда.

Вывод: иной раз вроде бы делаешь все, что только можно, однако результат получается такой, будто носишь воду в решете.

Мораль истории такова: как бы вы ни старались, сколько бы усилий ни прилагали, как бы ни хотели что-то изменить к лучшему... иногда счастливого конца все равно не выходит.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Откуда во мне рыцарская куртуазность?
Такое чувство,
будто меня, как шарик, надул озорной мальчишка.

Был я когда-то размером с сокола, был и со льва.
Раньше я не был слоном, но теперь-то знаю:
я слон.

Шкура висит мешком; хозяин меня бранит
за неудачный трюк. Я упражнялся всю ночь под навесом,
и теперь меня тянет в сон.

У людей я ассоциируюсь с грустью,
а то и с рассудочностью. Рэндалл Джаррелл
сравнил меня с Уоллесом Стивенсом, американским поэтом.

Видно и мне это сходство в нескладных трехстишьях,
но все же, пожалуй, я больше похож
на Элиота, дитя европейской культуры.

Любой, кто так щепетилен, страдает
от нервных срывов. Мне не по нраву эффектные
эксперименты под куполом на канате.

Мы, слоны,
воплощаем собой покорность,
меланхолично мигрируя к смерти.

Но известно ли вам, что когда-то в Греции
слонов учили
писать копытами алфавит?

Предельно усталые, мы лежим на широкой спине
и в воздух бросаем сено. Но это
не молитвенный ритуал, а просто способ отвлечься.

Нет, не покорность видите вы в наших последних движениях:
это прокрастинация. Очень уж больно слону
наземь укладывать грузное тело...

Дэн Чиассон. Слон

Дженна

В области памяти я настоящий профи. Мне всего тринадцать, но я уже изучила этот предмет вдоль и поперек, хотя другие девочки в этом возрасте обычно штудируют гляцевые журналы. Есть такой вид памяти об окружающем мире, который основан на опыте, в том числе и негативном, и на здравом смысле — вроде знания, что печка горячая, а если не обуешь зимой сапоги, то отморозишь ноги. Есть то, что запечатлевается в памяти благодаря органам чувств: посмотри на солнце и невольно прищуришься, а червяки — это не лучшая еда, поскольку выглядят весьма неаппетитно. Существуют также сведения научного характера: например, даты, которые ты запоминаешь на уроках истории, а потом жонглируешь ими на экзамене, потому что они важны, по крайней мере нам так объясняют в школе, в великой схеме мироздания. А есть подробности личного характера, которые врезаются в память, ярко высвечиваясь на графике твоей собственной жизни, однако не имеют значения ни для кого больше, кроме тебя самого. В прошлом году наш учитель естествознания позволил мне провести независимое исследование памяти. Большинство педагогов доверяют мне работать самостоятельно, потому что понимают: на уроках я скучаю. Похоже, некоторые из них откровенно меня побаиваются, поскольку подозревают, что я знаю больше их, а кому же охота сесть в лужу.

Мое первое воспоминание белесое по краям, как засвеченный снимок, сделанный со слишком яркой вспышкой. Мама держит в руке палочку с обвитым

вокруг нее конусом сахарной ваты. Она прикладывает палец к губам: «Это наш секрет», — и отщипывает маленький кусочек. Клочок сахаристых ниток прикасается к моим губам и тает. Мой язычок оборачивается вокруг маминых пальцев и жадно их облизывает. «Iswidí, — говорит она мне. — Сладенькая». Это не моя бутылочка, а нечто совершенно новое: вкус незнакомый, но приятный. Потом мама наклоняется и целует меня в лоб: «Uswidí. Любимая».

Мне тогда было не больше девяти месяцев от роду.

Согласна, это довольно необычно, потому что у большинства детей первые воспоминания относятся к возрасту между двумя и пятью годами. Нет, младенцы вовсе не страдают амнезией, они многое запечатлевают в памяти еще до того, как начнут говорить, но, странное дело, теряют доступ к своим ранним воспоминаниям, стоит им только овладеть речью. Может быть, я запомнила этот эпизод с сахарной ватой, поскольку мама говорила на не родном для нас обоих языке коса, который освоила во время работы над диссертацией в ЮАР. Или причина, по которой в моей памяти сохранился этот случайный эпизод, — своего рода компромисс, предложенный мозгом, потому как я отчаянно хочу, но никак не могу вспомнить кое-что, а именно: подробности того вечера, когда исчезла моя мать.

Она была ученым-биологом и на протяжении довольно долгого времени изучала, в частности, память. Это составляло часть ее работы о посттравматическом стрессе у слонов. Вы наверняка не раз слышали что-нибудь вроде «Ну и память у него, прямо как у слона». Так вот, это не просто поговорка, но научно доказанный факт: слоны и впрямь ничего не забывают. Если вам нужны доказательства, могу предоставить вам все данные, собранные моей матерью. Сама я выучила их наизусть, хотя вовсе не ставила перед собой такую

задачу. Официально опубликованные результаты маминого исследования гласят, что память связана с сильными эмоциями; негативные моменты запечатлеваются навсегда, словно бы надписи, сделанные несмываемым маркером на стенах мозга. Однако существует тонкая граница между негативными впечатлениями и травмирующими. Первые откладываются в памяти, а вторые стираются, или настолько искажаются, что становятся неузнаваемыми, или, как у меня, превращаются в одно большое блеклое, белое ничто, которое заполняет голову, стоит мне только сфокусироваться на том вечере.

Перечислю факты.

1. Мне было тогда три года.
2. Согласно полицейскому отчету, мою мать «нашли без сознания на территории заповедника, лежащей на земле, примерно в миле к югу от места, где был обнаружен труп смотрительницы, и отправили в больницу для оказания медицинской помощи».
3. Обо мне в протоколе не упоминалось. Но позже бабушка забрала меня к себе, потому что мой отец, на которого столько всего сразу обрушилось, слетел с катушек — в буквальном смысле слова.
4. Ночью мама пришла в себя и сбежала из больницы, скрылась в неизвестном направлении.
5. Больше я ее никогда не видела.

Иногда жизнь представляется мне двумя вагонами, которые столкнулись в момент исчезновения моей матери, но при попытке рассмотреть, как они были изначально сцеплены, я вижу лишь зияющий провал, мелькание шпал и отшатываюсь. Я знаю, что была в то время непоседливой белобрысой девчушкой, которая носилась по округе как угорелая, пока ее мать

наблюдала за слонами, делая бесчисленные заметки научного характера. Теперь я подросток, слишком серьезный для своего возраста и не по годам умный, что частенько оборачивается мне же во вред. Несмотря на впечатляющие успехи в естественных и прочих науках, я терплю поражение и выгляжу довольно жалко всякий раз, когда дело касается реальной жизни: к примеру, я не знала, что Wanelo — вебсайт, а вовсе не название модной рок-группы. Если восьмой класс школы — это микрокосмос социальной иерархии подростков, а моя мама, определенно, рассматривала бы ситуацию именно под таким углом, то знание наизусть пятидесяти слоновьих стад, обитающих в местности Тули-Блок на востоке Ботсваны, не идет ни в какое сравнение со способностью перечислить всех участников англо-ирландского бой-бэнда «One Direction» и рассказать их биографии.

Нельзя сказать, что я не вписываюсь в школьную жизнь, так как являюсь единственной в классе сиротой. У нас есть немало учеников из неполных семей, которые скучают по родителям или, наоборот, не желают с ними общаться, а у кого-то отец или мать теперь живут с новыми супругами и другими детьми. И тем не менее настоящих друзей в школе у меня нет. В столовой я сижу за столом в самом дальнем конце и в одиночестве ем то, что дала мне с собой бабушка. А тем временем крутые девчонки — которые, Богом клянусь, называют себя сосульками! — болтают о всякой ерунде. Например, о том, что они, когда вырастут, будут работать в крупнейшей косметической компании, придумают новые оттенки лака для ногтей и назовут их в честь известных голливудских фильмов, что-нибудь вроде: «Малинмены предпочитают блондинок» или «Сияние фуксии». Пару раз я пыталась вступить в разговор, но они всякий раз косились в мою сторону так, будто от меня воняет, морщили курносые носики и

возвращались к прерванной беседе. Не стану утверждать, что меня сильно расстраивает подобное пренебрежение со стороны одноклассниц, поскольку моя голова занята значительно более важными мыслями.

Но вернемся к загадочному исчезновению моей матери. Воспоминания о детских годах у меня довольно пестрые и обрывочные. Я могу рассказать вам о своей новой спальне в доме бабушки, где стояла моя первая взрослая кровать. На прикроватной тумбочке — маленькая плетеная корзина, неизвестно почему полная розовых пакетиков с искусственным подсластителем, хотя кофемашины рядом нет. Каждый вечер, еще до того как научилась считать, я заглядывала в корзину и проверяла, на месте ли они. И до сих пор так делаю.

Я могу поведать о том, как поначалу мы навещали отца в психиатрической больнице Хартвик-Хаус. Коридоры там насквозь пропахли лекарствами и мочой; а когда бабушка подталкивала меня, чтобы я поговорила с папой, и я забиралась на кровать, дрожа от мысли, что нахожусь так близко к человеку, которого узнаю, но совсем не знаю, он не двигался и не открывал рта. Я могу описать, как из его глаз текли слезы, и это казалось мне вполне естественным и ожидаемым явлением, вроде того как банка с холодной колодой запотеваает в жаркий день.

Помню я и ночные кошмары, которые на самом деле не были таковыми: просто я просыпалась от глубокого сна под громкие трубные звуки, издаваемые Маурой. Хотя бабушка всякий раз прибегала в мою комнату и объясняла, что слониха-матриарх живет теперь очень-очень далеко, в другом заповеднике в Теннесси, я не могла избавиться от гнетущего чувства, будто Маура пытается что-то мне сказать и если бы я говорила на слоновьем языке так же хорошо, как мама, то

неприменно поняла бы ее.

От матери у меня остались только исследования. Я подолгу размышляю над ее дневниками, потому что знаю: придет день, когда слова на странице вдруг выстроятся в нужном порядке и укажут мне путь к ней. Мама научила меня, пусть даже и не находясь при этом рядом, что любая хорошая научная работа начинается с гипотезы, которая есть всего лишь предчувствие, облеченное в красивый набор слов. И гипотеза, из которой я исхожу, такова: мама никогда не бросила бы меня по собственной воле.

И я докажу, что права, пусть даже это и станет последним, что я вообще сделаю в своей жизни.

Проснувшись, я обнаруживаю, что Герти, наша собака, накрыла мои ноги теплым живым одеялом. Она вздрагивает во сне, гонится за кем-то, видимым только ей одной.

Мне это ощущение хорошо знакомо.

Я пытаюсь выбраться из постели, не разбудив псину, но она миглом просыпается, вскакивает на кровати и лает на закрытую дверь спальни.

— Спокойно, — говорю я, запуская пальцы в густую шерсть у нее на загривке.

Герти лижет меня в щеку, но не расслабляется. Глаза собаки по-прежнему прикованы к двери, как будто она видит то, что находится за ней.

Учитывая, чем я собираюсь нынче заняться, это довольно забавно.

Герти спрыгивает с кровати и так машет хвостом, что задевает стену. Я открываю дверь, и собака неловко скачет вниз по лестнице, где бабушка выпустит ее на улицу, а потом накормит, после чего начнет готовить завтрак для нас.

В бабушкином доме Герти появилась через год после

меня. До этого она жила в заповеднике и крепко сдружилась со слонихой по кличке Сирах. Они были неразлучны, а когда Герти заболела, Сирах охраняла ее и нежно поглаживала хоботом. Это не первый случай дружбы собаки и слона, но именно он стал легендарным, о нем написали в детских книжках и рассказывали в новостях. Известный фотограф даже сделал календарь, посвященный необычной дружбе животных, и наша Герти стала там мисс Июль. Так что, когда заповедник закрылся и Сирах увезли, Герти оказалась такой же брошенной, как и я. Много месяцев никто не знал, что с ней стало. А потом однажды в нашу дверь позвонили, и бабушка увидела на пороге сотрудника службы спасения животных. Он поинтересовался, не знаем ли мы собаку, найденную неподалеку от нашего дома. На псине был все тот же ошейник с вышитой на нем кличкой. Герти отощала и была вся искутана блохами, но принялась радостно лизать мне лицо. Бабушка оставила собаку в доме, может быть решив, что это поможет мне свыкнуться с новыми обстоятельствами.

Не стану скрывать, это не сработало. Я всегда была одиночкой и никогда не ощущала себя у бабушки действительно дома. Видно, я из тех мечтательниц, которые зачитывают до дыр романы Джейн Остин и продолжают надеяться, что в один прекрасный день мистер Дарси все-таки появится возле их двери. Я — принцесса, заточенная в башне из слоновой кости, где каждая пластина — отдельная история, причем тюрьму эту я построила для себя сама.

Правда, в школе у меня все-таки была одна подруга, которая вроде как что-то понимала. Чатем Кларк, так ее звали, стала единственной, кому я рассказала о загадочном исчезновении мамы и о том, что собираюсь ее искать. Сама Чатем жила с теткой, поскольку ее мать-наркоманка сидела в тюрьме, а отца своего она

вообще никогда не видела. «Это весьма благородно с твоей стороны, — сказала мне Чатем, — что ты так сильно хочешь увидеться с матерью». Когда я спросила подругу, что та имеет в виду, она описала, как однажды тетя отвезла ее в тюрьму, где мать отбывала срок. Она принарядила племянницу ради такой встречи: надела на нее юбку с оборками и лакированные туфли, блестящие, будто черные зеркала. Но мама Чатем оказалась какой-то серой и безжизненной, глаза у нее были мертвыми, а зубы — гнилыми от наркотиков. Подруга призналась, что, хотя мать и сказала, будто мечтает обнять свою девочку, сама она была страшно рада тому, что в комнате для свиданий их разделяла перегородка из прозрачного пластика. Больше она навещать мать не ездила.

Чатем часто оказывалась полезной: так, например, мы вместе отправились покупать мой первый лифчик, потому что бабушка не считала нужным прикрывать несуществующие груди, а, по словам подруги, ни одна девочка старше десяти лет, которая вынуждена переодеваться в школьной раздевалке, не может обходиться без этой важной детали туалета. Чатем передавала мне на уроках английского записки с грубыми карикатурами на нашу учительницу, которая накладывала на лицо слишком много тонального крема и вечно пахла кошками. Подруга ходила со мной под ручку по коридору, а любой исследователь дикой природы скажет вам: когда речь идет о выживании во враждебной среде, двум особям, объединившимся в мини-стаю, сделать это гораздо легче, чем той, которая останется в одиночестве.

А потом однажды Чатем вдруг не пришла в школу. Я позвонила ей, но никто не ответил. Я села на велосипед и отправилась проведать подругу, однако обнаружила на ее доме табличку: «Продается». Неужели она могла уехать, не сказав мне ни слова?! В это невозможно было

поверить, тем более что Чатем знала: именно неизвестность так пугала меня в истории с исчезновением матери. Однако прошла неделя, за ней другая, и мне становилось все труднее находить оправдания ее поведению. Когда я перестала выполнять домашние задания и завалила парочку контрольных, что вообще было совершенно не в моем стиле, меня вызвали к школьному психологу. Мисс Шугармен, тысячелетняя старуха, набила свой кабинет куклами: наверное, чтобы дети, слишком зажатые или травмированные для того, чтобы произнести вслух слово «вагина», могли устроить представление и таким образом рассказать о том, за какие непозволительные места их трогали. В любом случае я сомневаюсь, что мисс Шугармен могла хоть чем-то мне помочь, ведь не в ее силах было восстановить разрушенную дружбу. Когда психологиня поинтересовалась, что, по моему мнению, произошло с Чатем, я предположила, что ее похитили. Меня бросили, сказала я, и это уже не в первый раз. Я вновь осталась одна: видимо, что-то неладно с кармой.

Больше мисс Шугармен меня к себе не вызывала, и если до этого в школе меня считали странной, то теперь я перешла в разряд чокнутых.

Бабушку тоже озадачило внезапное исчезновение Чатем. «Неужели даже не предупредила тебя? — спросила она за обедом. — Так с друзьями не поступают». Я не знала, как объяснить ей, что все то время, пока Чатем была моей компаньонкой, я предчувствовала такой конец. Когда вас бросают, вы всегда ждете повторения негативного опыта и в конце концов вообще перестаете сходитьсь с людьми, не допуская, чтобы они обрели хоть какое-то значение в вашей жизни, ведь в таком случае просто не заметите их исчезновения. Понимаю, для тринадцатилетней девочки такие мысли слишком уж пессимистичны, но становится очень горько, когда понимаешь, что можешь

рассчитывать только на себя.

Может, я и не способна изменить свое будущее, но абсолютно уверена: уж со своим прошлым как-нибудь разберусь.

Я выработала для себя утренний ритуал. Одни люди начинают день с чашки кофе и чтения газеты; другие просматривают «Фейсбук»; некоторые завивают волосы или делают по сто приседаний. Я же, едва одевшись, сажусь за компьютер. Массу времени провожу в Интернете, в основном на www.NamUs.gov, официальном сайте Департамента юстиции, посвященном пропавшим и неопознанным людям. Сначала быстро проверяю рубрику «Неопознанные лица», чтобы узнать, не выложили ли судмедэксперты каких-нибудь новых данных о трупах неизвестных женщин. Потом обновляю список умерших: не добавился ли к нему кто-нибудь, чье тело осталось невостребованным, поскольку этот человек не имеет родственников. Наконец захожу в раздел «Пропавшие без вести» и сразу переключаюсь на страничку с данными о моей матери.

Статус: пропала без вести

Имя: Элис

Фамилия: Меткалф (урожденная Кингстон)

Прозвище/псевдоним: нет

Дата исчезновения: 16 июля, 2004, ориентировочно
23:45

Возраст на момент исчезновения: 36 лет

Возраст в данный момент: 46 лет

Раса: белая

Пол: женский

Рост: 65 дюймов

Вес: 125 фунтов

Город: Бун

Штат: Нью-Гэмпшир

Обстоятельства исчезновения: Элис Меткалф работала научным сотрудником в Слоновьем заповеднике Новой Англии. Вечером 16 июля 2004 года, примерно в 22:00, она была обнаружена в бессознательном состоянии приблизительно в миле к югу от трупа одной из сотрудниц заповедника, которую затоптал слон. Элис отвезли в больницу «Мерси юнайтед» в Бун-Хейтс, штат Нью-Гэмпшир, где она пришла в себя около 23:00. Последней ее видела медицинская сестра, которая проверяла состояние пациентки в 23:15.

Ничего не изменилось. Кому и знать, как не мне, ведь этот профиль веду только я.

Далее идет описание внешности: цвет волос (рыжий); цвет глаз (зеленый); наличие особых примет, которые можно использовать при опознании, — имеются в виду шрамы и другие дефекты, татуировки, протезы, импланты (ничего такого у мамы нет). Графу, в которой следует указать, во что она была одета в момент исчезновения, я оставила пустой, потому как этого просто не знаю. Равно как и следующую, о вероятных способах перемещения — куда и каким транспортом пропавшая могла направиться; сведениями о состоянии зубов и образцами ДНК я также не располагаю. А вот фотография здесь имеется. Я отсканировала и увеличила единственный снимок, который бабушка не спрятала на чердак: мама со мной на руках на фоне слонихи Мауры.

Так, теперь контактные данные полицейских, которые составляли тогда протокол. Один из них, Донни Бойлен, вышел на пенсию и сменил место жительства. В настоящее время живет во Флориде, страдает болезнью Альцгеймера (удивительно, чего только не узнаешь из Интернета). Другой, Верджил Стэнхоуп, был повышен в

звании до детектива-следователя, в последний раз упоминался в полицейских новостях 13 октября 2004 года. Благодаря «Гуглу» я выяснила, что этот человек больше не является сотрудником Полицейского управления Буна. И все, более никакой информации. Такое ощущение, что Стэнхоуп вообще исчез с лица земли.

Думаете, это странно? На самом деле подобное случается гораздо чаще, чем вам кажется.

Целые семьи пропадают посреди бела дня неизвестно куда: дом остается пустым, но в нем работает телевизор, на плите кипит чайник, по полу разбросаны игрушки; семейный автофургон обнаруживают брошенным на парковке или затопленным в каком-нибудь пруду, однако никаких тел не находят. Студентки колледжей бесследно исчезают, написав номер телефона на салфетке незнакомцу в баре. Старики уходят в лес погулять, и больше о них никто не слышит. Вечером мама целует малютку на ночь и укладывает спать, но кровать оказывается пустой еще до наступления утра. Случается, что матери семейств, составив список покупок, садятся в машину, отправляются в ближайший супермаркет и больше не возвращаются...

— Дженна! — прерывает мои размышления голос бабушки. — У меня здесь, вообще-то, не ресторан!

Я опускаю крышку ноутбука и выхожу из спальни. Притормозив на полпути, выдвигаю бельевой ящик и выживаю из его глубин тонкий голубой шарф. Он совсем не подходит к джинсовым шортам и майке на бретельках, но я все равно обматываю воздушную ткань вокруг шеи, торопливо спускаюсь по лестнице и залезаю на один из высоких табуретов у кухонного островка.

— Думаешь, мне больше нечем заняться, кроме как ждать, когда ты наконец-то соизволишь позавтракать? — ворчит бабушка, стоя ко мне спиной и переворачивая

блин на сковородке.

Моя бабуля вовсе не седая добродушная старушка, каких показывают по телевизору. Она работает контролером в местной службе по надзору за оплатой парковки, и я могу пересчитать по пальцам одной руки случаи, когда видела ее улыбающейся.

Я очень хотела бы поговорить с ней о своей матери. Ведь она должна много чего помнить, в отличие от меня, потому что прожила бок о бок с ней целых восемнадцать лет, тогда как мне было отведено жалких три года. Я хотела бы иметь бабушку, которая показывала бы маленькой внучке фотографии пропавшей мамочки или пекла торт на ее день рождения, а не советовала запрягать свои чувства куда подальше и держать их под замком.

Не поймите меня неправильно, я люблю бабушку. Она приходит на школьные концерты послушать, как я пою в хоре, и готовит для меня вегетарианские блюда, хотя сама предпочитает мясо; она позволяет мне смотреть фильмы с пометкой «Детям до 18 только в присутствии взрослых», потому что, по ее собственным словам, в них нет ничего такого, чего я не увижу в школе на переменах. Я люблю бабушку. Просто она не моя мама.

Сегодня я вру ей, что отправляюсь сидеть с сыном одного из своих любимых учителей, мистера Аллена, который в седьмом классе преподавал у нас математику. Мальчика зовут Картер, но я называю его Контроль Рождаемости, потому что он лучший аргумент против того, чтобы обзаводиться потомством. Это самый неприятный ребенок из всех детей, с какими я только общалась в жизни. У него огромная голова, и, когда он смотрит на меня, я почти уверена, что этот малыш способен прочесть мои мысли.

Бабушка оборачивается — блин балансирует на лопатке — и замирает, увидев у меня на шее шарф. Он действительно не подходит к остальной одежде, но